

Поиск способов преодоления препятствий в общении между следователем и допрашиваемым, на наш взгляд, необходимо вести с учетом положений психологии делового общения, в некоторой части отвлекаясь от специфики общения при производстве допроса как следственного действия. Как указывают психологи, действенным средством поэтапного формирования психологического контакта в сфере делового общения является достижение определенного настроя участников общения на трех структурных уровнях: 1) эмоциональное расположение потенциального партнера – перцептивный уровень, первый этап; 2) накопление согласия между контактирующими субъектами – коммуникативный уровень, второй этап; 3) нахождение общих интересов между контактирующими субъектами – интерактивный уровень, третий этап¹. Как правило, наибольшую сложность в процессе инициирования психологического контакта представляет выбор предлога для общения. Это влияет на все последующее общение и в первую очередь на процесс формирования у субъекта первого впечатления об инициаторе контакта². Таким образом, эффективность делового общения обусловлена способностью его участников к установлению психологического контакта, и результат общения во многом определяется тем, насколько в дальнейшем удалось поддержать психологический контакт.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что посредством применения определенных методов может быть достигнут оптимальный уровень взаимодействия между следователем и допрашиваемым, что характеризуется взаимопониманием между ними, в некоторой степени взаимным доверием. Иными словами, следователь и допрашиваемый при благоприятных условиях допроса могут достигнуть такого уровня общения, при котором их диалог направлен на взаимный, доверительный обмен информацией, в чем и заключается назначение психологического контакта.

СЛЕДСТВЕННАЯ ВЕРСИЯ КАК ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), ПРИМЕНЯЕМОЕ В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ С ЕГО УЧАСТИЕМ

И.В. Иванов, ст. преподаватель ЮИ ТГУ

Научный руководитель – д-р юрид. наук, доцент А.С. Князьков

Сведения о личности подозреваемого (обвиняемого) составляют предмет версионной деятельности: знание биографии, круга общения, характерологических особенностей лица, совершившего преступление, позволяет уяснить смысл преступного события, выявить причины поведения подозреваемого

¹ Воробьева Е.А. Профессионально-психологические особенности контактности следователей в условиях допроса : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. URL: <http://www.childpsy.ru/dissertations/id/18201.php>

² Забродин Ю.М. Психология ведения деловой беседы. URL: <http://vymo.ru/labms/www.er-geal.ru/archive/psy/book3/index.htm>

(обвиняемого) как «автора» преступления, а также как участника расследования. Версионное значение сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), участвующего в производстве следственных действий, проявляется, во-первых, в том, что, ориентируясь на известные данные об элементах преступного события (обстановка, «следовая картина», способ), следователь получает возможность работать с версиями, принимая за основу имеющуюся информацию, а во-вторых, в том, что поведение подозреваемого (обвиняемого) обладает серьезным познавательным потенциалом для работы с версиями перспективной направленности¹.

Необходимо иметь в виду, что не все сведения о личности подозреваемого (обвиняемого) непосредственно могут быть положены в основу следственных версий. Роль этих сведений для расследования не исчерпывается сугубо криминалистическими потребностями. Данные сведения условно могут быть распределены по уровням в зависимости от того, в каком направлении может быть преимущественно использована та или иная личностная информация:

1. Уровень квалификации деяния как преступления, а личности подозреваемого (обвиняемого) – как субъекта преступления. На данном уровне решаются задачи уголовно-правового характера.

2. Уровень доказывания связей между личностью подозреваемого (обвиняемого) с иными обстоятельствами. На данном уровне решаются задачи уголовно-процессуального характера.

3. Уровень объяснения причин определенного поведения лица в процессе расследования преступления и прогнозирования его поведения для окончания расследования уголовного дела. На данном уровне решаются задачи криминалистического характера.

При решении задач первых двух уровней следователь опирается, с одной стороны, на имеющиеся сведения о личности подозреваемого (обвиняемого) и, с другой стороны, на содержание уголовно-правовых (в частности, признаки состава преступлений) и уголовно-процессуальных (в частности, предмет и пределы доказывания) норм. Что же касается криминалистических задач, то реализация сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) в версионной деятельности соотносится, помимо прочего, с условиями сложившейся следственной ситуации. Для понимания механизма включения сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), полученных в ходе следственных действий с его участием, важно учитывать характер и значение влияния на эффективность версионной деятельности организационных (работа следователя в составе СОГ), психологических и иных факторов (коммуникативная компетентность следователя, черты характера, темперамент).

Таким образом, версионное значение сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), непосредственно полученных от последнего в ходе следственного действия с его участием, может быть оценено как на стратегическом

¹ См.: Князьков А. С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск, 2013. С. 104.

уровне (в контексте всего расследования), так и при решении тактических задач: в контексте понимания мотивационно-смысловой сферы личности в момент преступления и сразу после него; в контексте объяснения поведения личности в определенный момент расследования (причины решимости давать показания либо, наоборот, мотивы отказа или уклонения от дачи правдивых показаний; характер сведений, которые лицо желает утаить, и т.п.).

О ПРИМЕНЕНИИ RAW-ФОРМАТА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОТОСЪЕМКЕ

А.В. Лымарев, студент ЮИ ТГУ

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент И.С. Фоминых

Криминалистическая фотосъемка является одним из основных способов фиксации и дальнейшего изучения различных объектов криминалистического познания. Вместе с тем фотографирование, в своей сути, есть процесс использования отраженного от фотографируемого объекта света либо в химической реакции на фотопленке, либо в аналого-цифровом преобразовании в цифровой камере – любые снимки позволяют нам лишь косвенно воспринимать и исследовать объекты. В связи с этим перед криминалистикой встают следующие вопросы: какие возможности могут предоставить современные технологии фотосъемки, в частности цифровая; как определить и увеличить степень ее достоверности, т.е. как соотносятся между собой объект и его изображение¹.

Компьютерный файл в формате RAW является «отпечатком» с матрицы цифрового фотоаппарата, содержащим всю предоставляемую матрицей информацию². Сведения, находящиеся в файлах формата RAW, остаются неизменными, исходными. По сути, данный файл является своеобразным цифровым аналогом пленочного негатива. Графические компьютерные редакторы наделены возможностью создавать только графические «отпечатки» в форме иных файлов или распечатанных фотографий. Данная особенность дает возможность применять фотоснимки формата RAW при их оценке в качестве доказательств в процессе судопроизводства. Важно, что сохраняется возможность вернуться к исходным снимкам и визуально оценить масштаб внесенных изменений – большинство современных графических редакторов, наподобие Adobe Photoshop, позволяют без особых проблем просматривать и редактировать RAW-снимки.

Вместе с тем объем информации, содержащейся в формате RAW, делает его куда более полезным, чем простой цифровой «негатив». Нередко условия фотосъемки не позволяют получить достаточно качественный снимок. Ряд проблем

¹ Смирнов К.О. Исследование цифровых изображений с помощью Exif-стандарта // Интерактивная наука. 2017. № 12. С. 243–246.

² Ростовцев А.В. Правовые, организационные и методические вопросы применения цифровых технологий при производстве судебных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 124–126.